
устройству земских банков. Преподавал политическую экономию и финансовое право в Александровском лицее. Написал и опубликовал ряд трудов и большое количество статей по истории денежного обращения, организации поземельного кредита, по истории предпринимательства и др.

³ См: Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Т.1. Спб., 1882. С.78-79.

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1980. С.388.

⁵ Былое. 1996. №9-10. С.3.

⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. – М., 1999 – С.445.

⁷ Шульце – Гевениц Г. Очерки общественного хозяйства и экономико – политической России» - М., 1901 – С.3

⁸ В.И. Ленин. От первого субботника ко всероссийскому субботнику. Полн.собр.соч. Т.41. С.108.

⁹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.346.

¹⁰ Былое. 1996. №8. С.3.

¹¹ Былое. 1997 № 3-4. С.7.

¹² См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли Л., 1990. С.263 – 287.

¹⁴ Боханов А.Н. Крупная буржуазия в России (конец XIX – 1914) – М., 1989; Он же. Коллекционеры и меценаты в России – М., 1989. Саламатин А.Ю., Андреев А.Н. Очерки истории и теории предпринимательской деятельности – Пенза, 1992; Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских – М., 1993; Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. Семейные хроники - М., 1993; Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство – М., 1995; Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX в.в. – М., 1996 Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века – М., 1997; Иностранное предпринимательство и зарубежные инвестиции в России. Очерки. – М., 1997; Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели – М., 1999 и мн. Др.

¹⁵ История предпринимательства в России от средневековья до середины XIX века – Кн. 1 – М., 1999; История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX в.в. – Кн 2 – М, 2000

И.С. Наградов

Купцы-старообрядцы Выжиловы и власть в XIX – начале XX вв.

В конце XVIII века в период бурного развития беспоповских толков угличский мещанин Василий Иванович Выжилов перешел в старообрядчество.¹ По сведениям ярославского епископа Василий Выжилов принадлежал к «безпоповщинской перекрещеванской поморской секте, главными начальниками которой... в Помории в Олонецких пределах были Данила Викулин..., а так же братья Андрей и Семён Денисовы». Его сын Иван Выжилов, по официальным данным, «состоял в расколе» с 1796 г. Вероятно, он перешел из официального вероисповедания вместе с родителями и младшим братом Михаилом.

¹ © И.С.Наградов, 2012

Принадлежность Выжиловых к поморскому согласию означало признание ими моления за царя и лояльное отношение к браку. В 1760-х гг. поморцы стали терпимо относиться к новожёнам, то есть старообрядцам, вступившим в брак после принятия в согласие.² Подобное отношение к браку было весьма спорным и не все его принимали безоговорочно. Младший брат Михаил женился, у него родились дети.³ Иван же нововведение не принимал, и до конца жизни оставался неженатым.⁴

В 1796 г., уже после учреждения регулярного плана города, Василий Иванович выстроил каменный двухэтажный дом с флигелями и оградой. В 1810 г. после смерти отца Иван Выжилов (род. 1781 г.), купец 2-й гильдии и будущий потомственный почетный гражданин,⁵ начал перестройку семейного дома: пристроил каменный флигель, где поместил большую моленную. В моленной разместился иконостас со 174 иконами XIV – XVI веков. В 1816 году И.В. Выжилов, пользуясь лояльным отношением властей, еще больше расширил свою моленную. А в 1841 г. она была украшена росписями стен. По мнению исследователей, автором монументальной росписи, изображавшей родословное древо князей Мышецких⁶, поучительные сцены из современной жизни и райских птиц, был местный мастер Григорий Иванович Буренин.⁷

Около 1825 года в доме Выжиловых была устроена вторая моленная. А в начале 1830-х годов во дворе выстроена третья для проживающих при доме женщин, которые прибывали из Ярославской и соседних губерний. В 1837 – 1838 гг. были сооружены моленная-столовая, где читали псалмы по умершим, и кельи. Постепенно дом Ивана Выжилова разросся и мог вмещать более 300 человек, собиравшихся на крупные религиозные праздники. Для богатых единоверцев за плату он организовывал торжества поминовения. Это вызвало недовольство местных властей. В 1823 году по требованию ярославского губернатора Иван Васильевич был вынужден дважды дать подписку о том, что он не будет более допускать собраний старообрядцев в своём дом.⁸ Однако через некоторое время собрания вновь возобновились.

В 1830 г. во время следствия по делу о крещении в моленных Ивана Выжилова по «раскольническим» обрядам крестьянского мальчика Михайлы, хозяин рисковал попасть под наказание. Однако дело закончилось благополучно. Более того, в 1831 году император утвердил мнение комитета министров о том, что моленную И.В. Выжилова нужно оставить в том же положении, в котором она находится, и не препятствовать ему вести службу по его обрядам.⁹ Это позволило И.В. Выжилову в течение последующих 10 лет непрерывно расширять свою обитель. Если в 1826 г. в ней проживал 31 мужчина и 44 женщины, то в 1838 г. уже 35 мужчин и 113 женщин, в 1846 г. – 34 мужчины и 86 женщин. Далеко не все из них имели официальные виды на жительство в Угличе. Постояльцы проживали в небольших кельях по 2 – 3 человека.

Продовольствие они получали от И.В. Выжилова. По секретным данным полиции, при поступлении в богадельню жильцы делали вклады деньгами, «смотря по состоянию и возможности приходящих», правда, сам Иван Выжилов это категорически отрицал. Женщины выполняли посильные работы: летом обрабатывали огород, зимой пряли лён, делали восковые свечи. В основном в богадельне проживали мещане и крестьяне из близлежащих селений.¹⁰

В городе существовали ещё моленные: две в доме младшего брата Ивана Васильевича, купца 3-й гильдии Михаила Ивановича Выжилова (одна большая и одна очень малая, вероятно только для семьи владельца) и одна малая в доме купца Дмитрия Серебренникова / Серебрякова. Моленные М.И. Выжилова были устроены вскоре покупки дома в 1828 г. Д. Серебренников / Серебряков утверждал, что моленная построена еще его дедом около 1801 г.

Долгое время И.В. Выжилову удавалось избегать неприятностей. Этому способствовало то, что с 1815 по 1818 годы он занимал должность ратмана, а в 1824 – 1827 годах был бургомистром.

Известно, что обширные капиталы зарабатывались старообрядцами именно для обеспечения спокойного существования общины и возможности исповедания истинной веры в суровых условиях мира антихриста. Чиновники быстро поняли, что для староверов деньги имеют второстепенное значение и успешно пользовались этим. Достаточно примеров этого и в Ярославской губернии. Так, секретарь канцелярии губернатора Спасский обложил старообрядцев платежом в 120 рублей ассигнациями при подаче в канцелярию сведений о численности общины. За мзду он постоянно снижал их количество, оберегая, таким образом, от излишне пристального внимания духовных и центральных гражданских властей. В реальности же число староверов все время увеличивалось.¹¹ Подобные отношения были выгодны обеим сторонам, поэтому уличить соучастников было непросто. Одно из дел канцелярии губернатора носит любопытное название «О влиянии раскольника Выжилова на служащих в Угличе чиновников». ¹² Ярославский губернатор, по распоряжению МВД в 1846 г. пытался проследить связи Ивана Выжилова с местными должностными лицами. По сведениям МВД угличские чиновники «пользуются от ... купца Ивана Выжилова подарками, стараясь быть ему при случае полезным, по мере их власти. В каждый годовой праздник они ходят с поздравлениями к Выжилову, который, судя по степени пользы, какую от кого получает, может делать им подарки, а чрез то, зная вперед все распоряжения Правительства, предупреждает могущие постигнуть его неприятности». ¹³ Однако ни подтвердить, ни опровергнуть связь старообрядца и чиновников ему не удалось, поскольку «все отозвались в Угличе совершенной неизвестностью».

Православное духовенство было недовольно тем, что губернские чиновники смотрят на деятельность старообрядцев, и в том числе И.В. Выжилова, сквозь пальцы. Стенная роспись, сделанная в моленной в 1841 году послужила поводом к рапорту угличского священника Степана Розина епархиальному начальству. Роспись была воспринята как пропаганда раскола и вызвала резко негативную реакцию Московской духовной консистории, которая потребовала пресечь деятельность моленных. Однако делу был дан ход только четыре года спустя, когда николаевское правительство увидело в старообрядчестве угрозу государственной стабильности.

В феврале 1846 г., пользуясь тем, что угличский городничий Богданович находился в отпуске, губернатор направил в Углич ярославского частного пристава Любимова. Он посетил «как бы из любопытства» дом Ивана Васильевича, где побывал в трех моленных, подивился иконостасам с иконами древнего письма, резным складням, старинным евангелиям. В моленной на нижнем этаже увидел «решётки или перилы, нечто вроде клиросов» и при входе на левой стороне изображение трех или четырех вселенских соборов. Целью неофициального расследования было выяснение причастности И.В. Выжилова к убийствам, происходящих в губернии¹⁴, а так же факта отмыwania купцом фальшивых денег, получаемых им от беглых и бродяг, скрывающихся в Пошехонских лесах. Получить конкретных данных Любимову не удалось.¹⁵

В феврале 1846 г. министр внутренних дел возложил на состоящего при министерстве чиновника Никотина секретно поручение. Оно было сообщено Никотину министром в устной форме. По прибытию в Ярославскую губернию он должен был объявить его лично, в целях сохранения тайны, только губернатору И.А. Баратынскому. Никотин прибыл в Ярославль, представился губернатору и в соответствии с наказом министра получил в качестве помощника пристава Любимова, «опытного и надежного чиновника».¹⁶

Расследование Никотина привело его к мысли, что две моленные из имеющихся моленных и богадельня, должны быть переданы в ведение приказа общественного призрения с условием проживания только лиц старше 50 лет и с официальными видами на жительство. Министр внутренних дел потребовал запечатать моленные, построенные после 1826 г., улучшить ведение списков старообрядцев, выслать беспаспортных, а делу Буренина, жена которого осталась после свадьбы старообрядкой, вопреки данной подписке, дать ход.¹⁷

В помощь Никотину исполнявший на тот момент должность губернатора вице-губернатор И.М. Донауров, направил чиновника Селецкого, который немедленно вызвал И.В. Выжилова на допрос. Купец прибыл и обещал согласовывать свои действия с законами государства и

постановлениями церкви. Его брат Михаил, чтобы избежать преследований, уехал в Санкт-Петербург. Сам же И.В. Выжилов активно использовал денежные средства. Он добился отстранения от производства дела некоторых неугодных чиновников, ведущих процесс. По требованию Ивана Выжилова в отставку подал бургомистр Григорий Буторин. Он был должен купцу 100 рублей серебром. Бургомистр долго затягивал и тормозил расследование дела, вяло реагировал на требования ускорить расследование. Вероятно, под давлением вышестоящих властей Г. Буторин однажды отказался потворствовать И.В. Выжилову и тот использовал долг как предлог для устранения ненужного чиновника.

Тем не менее, три из четырех моленных были запечатаны уже в мае 1846 г. Беспаспортным жильцам выдали ранее отобранные паспорта и приказали отправиться в места постоянного проживания. Еще раньше перед визитом чиновников, Иван Васильевич отправил восвояси самых молодых постояльцев. Однако теперь он окончательно остался без рабочих рук, которые могли ухаживать за престарелыми и самим домом. Ему пришлось просить разрешения о найме 4-х работников для выполнения хозяйственных и иных работ, что не сразу, но было разрешено.¹⁸

Летом 1846 г. Михаил Васильевич обратился к министру внутренних дел с просьбой распечатать моленные, чем только ещё больше разозлил чиновника.¹⁹

Весной 1847 г. дело о богадельне Выжилова было передано на ревизию чиновнику по особым поручениям при МВД действительному статскому советнику В.А. Алябьеву – уже в 1840-е гг. известному специалисту в области «раскола». В 1850-х гг. ему будет суждено возглавить Судную комиссию по рассмотрению деятельности толка староверов-странников.²⁰ В.А. Алябьев побывал в Угличе и усмотрел некоторые недостатки в ведении дела, в частности посчитал необходимым закрыть и моленную, построенную до 1826 г., поскольку предпринятые в ней росписи можно считать разновидностью ремонта, который в старообрядческих культовых зданиях запрещен. Был поднят и важный вопрос об отношении старообрядцев к браку. Сам Иван Васильевич женат не был, и считал совершение брака без священника невозможным. Его младший брат Михаил (род. в 1793) был женат. Супруга Михаила – Минодора – была младше мужа на 6 лет, и тоже принадлежала к поморскому согласию. Чета имела четырех детей Дмитрия (род. в 1830 г.), Фёдора (род. в 1835 г.), Алексея (род. в 1841 г.). Известно, что Иван Васильевич этот брак не признавал и отзывался о невестке как о «незаконной супруге».²¹ Чиновник усмотрел в показаниях хозяина и призреваемых женщин разночтения по поводу отношения к браку. И.В. Выжилов заявлял следователям, что «браками не гнушается». Женщины же отвечали, что браки не признают, но после уточнили, что оговорились, так как просто сами никогда замуж не хотели, но против

ничего не имеют. Чиновник усмотрел в этом «стачку», то есть сговор старообрядцев,²² что вполне обоснованно, поскольку отрицание брака переводило толк в разряд особо вредных и сулило староверам лишние неприятности.

Дело о Михаиле и Иване Выжиловых долго расследовалось углическим магистратом. Министерство внутренних дел было вынуждено несколько раз напоминать о необходимости скорейшего завершения расследования, но нерасторопность различных органов, отлучки Выжиловых, и как следствие невозможность взять с них показания, сильно затягивали дело. Наконец, дело было передано в уголовную палату, которая завершила его рассмотрение и в декабре 1848 г. вынесла приговор. Однако, дела о «раскольниках» часто рассматривались непосредственно комитетом министров и принятые местными судами постановления пересматривались. 24 мая 1849 г. журнальным постановлением этого высшего руководящего органа И.В. Выжилову было назначено наказание в виде 4 месяцев содержания под стражей, М.В. Выжилова было приказано «выдержать под стражей» 2 месяца, а наставнику Н. Завьялову запрещено отлучаться с места жительства без паспорта и без веских «законных» причин. Для обеспечения этого постановления за ним должен был быть установлен полицейский надзор.²³ Общественную моленную И.В. Выжилова, расположенную на нижнем этаже дома, избежавшую первоначально закрытия в связи с тем, что она была построена до запрета 1826 г., приказано было запечатать. Причиной послужила роспись стен моленной, с подачи В.А. Алябьева квалифицированная как «поновление». На момент постановления в богадельне оставалось 9 больных женщин, которых было приказано выслать в места постоянного проживания сразу же после выздоровления.²⁴

К марту 1850 г. женщин в богадельне не осталось, и губернатор предложил министру уничтожить внутренне убранство моленных и превратить их в жилые помещения; имущество некультового характера оставить у Выжиловых, а книги и иконы передать в консисторию, предварительно оставив владельцам снятые с них украшения.²⁵

Министр не возражал, но потребовал представить ему список книг и икон во всех выжиловских моленных. В апреле 1850 г. комиссия в составе чиновника особых поручений Шишкина, городничего Серебрякова и уездного стряпчего Крымова вскрыли печати, оказавшиеся в полной сохранности, и составили опись предметов.²⁶ Эти действия были восприняты старообрядцами как намерение изъять вещи. Прошения Ивана и Минодоры Выжиловых на имя вице-губернатора В.Н. Муравьева, замещавшего находящегося в Петербурге начальника губернии, результатов не дало: моленные остались запечатанными, возле дверей продолжал стоять караул, гарантий неприкосновенности вещей никто не давал. Судя по всему, на этом этапе вещи не изымались и оставались под

замком, несмотря на прошения об их возвращении.²⁷ Впоследствии они были всё-таки изъяты и переданы в консисторию.

Исследователи указывают, что в 1848 году И.В. Выжилов ездил в Санкт-Петербург и встречался с министром внутренних дел, пытаясь отстоять моленные. В изученных нами документах подтверждения этому факту не обнаружено. Действительно, вскоре после решения дела и запечатывания последней моленной (состоялось 1 июля 1849 г.), Выжиловы направили несколько прошений на имя министра внутренних дел графа П.А. Перовского, а так же на имя императора. Однако о личной встрече купца и чиновника в материалах дел не упоминается. Более того, 3 сентября 1849 г. министр сообщил ярославскому губернатору: полученное от Ивана Выжилова прошение об отмене приговора удовлетворено быть не может, а сам проситель пусть «более не осмеливается писать прошения».²⁸

Даже после разгрома обители, бдительное министерство продолжало держать руку на пульсе. До министра «дошли слухи», что И.В. Выжилов вновь собирает в неизвестном месте для совершения богослужений своих единоверцев, а из запечатанной моленной украдены ценные украшения с икон. Предпринятое городничим следствие не подтвердило факт совершения молений, но удалось установить, что действительно 14 марта 1849 года, кто-то проник в тогда ещё не запечатанную моленную путем подбора ключей и украл вышитые жемчугом ризы и очелья с 15 икон, оставив в качестве улики горелые спички. Кражу обнаружил сам И.В. Выжилов следующим утром. Ущерб составил 2000 рублей серебром.²⁹ Тот факт, что иных следов проникновения в дом, кроме спичек, обнаружено не было, информация о заявлении не доводилась местным городничим до сведения высшего руководства, а Иван Васильевич просил выдать ему выписку из регистрационного журнала о принятии заявления, заставляет подозревать в происшествии самого старообрядца. Постоянно опасаясь изъятия вещей, И.В. Выжилов мог инсценировать кражу, чтобы спасти часть имущества.³⁰

В конце 1849 года приговор был приведен в исполнение. Михаил Выжилов отбыл положенный срок в тюрьме, но вернулся домой уже больным человеком. 17 февраля 1850 г. он скончался у себя в доме, так более и не увидевшись с братом, срок заключения которого истекал только 3 марта.³¹

В начале 1860-х годов главная моленная была распечатана без официального разрешения.³² После смерти Ивана Васильевича моленной руководила жена Михаила – Минодора. Их дети Дмитрий, Алексей и Фёдор также были старообрядцами и умерли к концу 1880-х гг. Дмитрий возглавил общину после смерти матери. После его смерти вдова – Анна Ивановна – сама моленной управлять не стала. Она переехала жить на принадлежащую ей бумажную фабрику в Улеймской волости, а за домом и моленными следила девица Анна Алексеевна Блохина. В доме к 1889 г.

существовало две моленных: одна народная и одна частная при спальнях хозяйки и её замужней дочери. Количество проживающих в доме Выжиловых посторонних женщин снизилось по сравнению с 1830-ми годами в 10 раз (8 угличских мещанок и 4 крестьянки Угличского и Мышкинского уездов), и все они имели официальные паспорта. Проживали женщины, возраст которых колебался от 40 до 70 лет, во флигеле, расположенном во дворе. Там же находились две моленные комнаты, одной из которых производилось чтение псалмов по усопшим. Столовая, находящаяся во дворе, построенная в конце 1830-х гг. ещё при Иване Васильевиче, была сломана около 1884 г. по причине крайней ветхости.

В конце 1880-х гг. духовное начальство попыталось окончательно устранить старообрядческий скит. Это связано с ужесточением государственной политики в отношении староверов, одним из идеологов которого был обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Около 1889 года дом Анны Ивановны Выжиловой на Набережной улице лично посетил ярославский епископ Ионафан, после чего направил судебному следователю предложение отобрать у старообрядцев предметы культа, не соответствующие канонам официальной церкви. Это вскоре было сделано: у старообрядцев изъяли 3 тюка с вещами в качестве вещественных доказательств по делу об организации «раскольнического скита». В 1907 году, после объявления веротерпимости староверы пытались вернуть имущество и даже направили губернатору соответствующее прошение. Однако светская власть отговорила тем, что теперь решение подобного вопроса не в её компетенции и предложила просителям переадресовать претензии духовной консистории. Удалось ли старообрядцам вернуть ценности – неизвестно. Тем более что книги уже успели перекочевать в семинарскую библиотеку, а иконы в ризницу Ярославского кафедрального собора.³³

Первая русская революция принесла старообрядцам и другим вероисповеданиям долгожданную свободу совести. Императорский указ 17 апреля 1905 г. стал первым шагом к постепенной легализации староверия. Указ ликвидировал наименование старообрядцев «раскольниками», разрешил переход из православия в другие христианские вероучения, установил общие правила строительства и ремонта культовых зданий для всех христианских конфессий. Все закрытые в административном порядке молитвенные здания должны были быть распечатаны.³⁴ Староверам разрешалось свободное осуществление обрядов и создание общин.³⁵ С этого начался период относительно свободного развития старообрядчества. За 7 – 8 лет после опубликования указа по стране было построено более 1000 храмов и несколько новых монастырей.³⁶ Ежегодно проходили старообрядческие съезды и соборы. Однако, регистрировать

общину потомки Выжиловых не спешили, вероятно, помня о коварстве царских чиновников, в прошлом громивших обитель.

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 1 Д. 4072. Л. 4. (Далее – ГАЯО).

² См.: Мальцев А.И. Новые материалы о взаимоотношениях старообрядцев поморского и федосеевского согласий в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 3 – 6.

³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 11 – 11 об.

⁴ Ранее, опираясь на его отношении к браку, мы ошибочно считали И.В. Выжилова федосеевцем. См.: Наградов И.С. Вся власть у Папулина // Родина. 2006. № 6. С. 60 – 64.

⁵ Иван Васильевич получил почетное гражданство 28 ноября 1834 года. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 8.

⁶ Именно к этому роду принадлежали основатели поморского толка Андрей и Семён Денисовы.

⁷ Горстка А.Н. Указ. соч. С. 35; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 13 об. – 16. Мать художника Мария Васильевна, урождённая Сурина, была старообрядкой федосеевского толка, и числилась в списках посетителей выжиловских моленных. Её муж оставался в официальном вероисповедании. При их венчании Мария Васильевна давала подписку о пребывании в православии, но в 1840 г. ушла жить в богадельню в доме И.В. Выжилова. Супруг жаловался городничему Суворову, но безрезультатно. Данный факт так же стал предметом особого разбирательства в 1846 г. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 16.

⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 5 – 5 об.

⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 6.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 8 об. – 9.

¹¹ Лествицын В. Сорок лет назад // Ярославские епархиальные ведомости. – 1886. – 10 ноября. – № 45. – Ч. неофиц. – Стб. 715.

¹² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3781. Л. 2 – 4 об.

¹³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3781. Л. 2.

¹⁴ Вероятно, убийства были связаны с преступной деятельностью банды дезертиров и бродяг, часть из которых была членами толка старообрядцев-странников. См.: подробнее: Наградов И.С. Следственная комиссия по расследованию деятельности страннического согласия в Ярославской губернии в 1850 – 1852 гг.: к вопросу о правительственных методах борьбы с «расколом» // Клио. 2011. № 8. С. 90 – 92.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 8 – 9 об.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 7, 10.

¹⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 24 – 27.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 53, 58 об., 61.

¹⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 70.

²⁰ См.: Наградов И.С. Личный состав правительственных комиссий ...

²¹ Горстка А.Н. Указ. соч. С. 36. К моменту смерти у Минодоры Выжиловой было четверо детей. Имя и пол четвертого ребенка остаётся неизвестным. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 84.

²² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 101 об.

²³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 6 об. – 7 об. Наставником в моленных И. Выжилова долгое время был крестьянин с. Васильевское Юхотской волости Василий Евдокимов.

Николай Завьялов, видимо, заступил на его место. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 11 – 11 об.

²⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 31 об.

²⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 72 об.

²⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 73, 78.

²⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 83, 98, 99.

²⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 52 - 52 об., 59.

²⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 87.

³⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 91 – 91 об.

³¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 72 об.

³² Горстка А.Н. Указ. соч. – С. 41.

³³ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3648. Л. 42 – 48.

³⁴ Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М., 1999. – С. 176, 180, 181.

³⁵ Высочайший указ Правительствующему Сенату. О порядке устройства общин последователями старообрядческих согласий и обязанностях сих лиц // Костромские епархиальные ведомости. 1906. 1 декабря. № 23-24. Ч. офиц. С. 420 – 430.

³⁶ Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII – XX века). М., 1999. С. 193.

П.А. Смирнов

**Становление и развитие деятельности коммерческих финансовых
кредитных учреждений в Костроме
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Кредитные учреждения Костромской губернии явились неотъемлемой частью всей массы учреждений данной отрасли в России. Решающим этапом в становлении акционерных коммерческих банков стали 90-е гг., когда капиталы выросли почти вдвое, учёты векселей, кредиты под товары и векселя возросли почти в два с половиной раза.

Ранняя концентрация банков была особенностью России и результатом правительственной политики. Несмотря на относительно небольшой количественный рост (в 1875 г. действовало 39, а к 1900 г. – 42 акционерных коммерческих банка), благодаря созданной в начале 1900-х гг. широкой сети отделений (268 в 1904 г.) акционерные коммерческие банки занимали в кредитно-банковской системе России центральное место. По сумме баланса к 1914 г. (6284,6 млн. руб.) они намного опережали остальные учреждения коммерческого кредита, в том числе Государственный банк (4624,0 млн. руб.)¹.

¹ © П.А.Смирнов, 2012